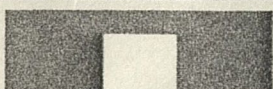

Сергей Михалков

практически всю войну я провел на фронтах. С 27 июня 1941-го и до конца 1945 года был военным корреспондентом — сначала фронтовой многотиражки Южного фронта, а затем меня перевели в центральный орган военно-воздушных сил «Сталинский Сокол». Начинал капитаном, ну и дальше, как положено. Жизнь военного корреспондента — это, понятно, жизнь на колесах. На автомобилях, а гораздо чаще на самолетах мне довелось объездить фактически все фронты. Как только где-то намечались интересные события, готовилось наступление, тут же приходилось лететь собирать материалы. С фронта — в Москву. Несколько дней на подготовку и сдачу материалов в номер, и опять — на фронт. Все мы тогда были молоды; и естественно, все воспринималось как-то легче и проще. Случалось попадать и под бомбежки, и в окружение, но никогда нельзя было и мысли допустить о том, чтобы как-то показать, что испугался или боишься риска. Ведь не скажешь на самом деле: «Извините, начинается наступление, я возвращаюсь в Москву».

Естественно, с работой военкора связано множество интереснейших случаев, о которых с удовольствием вспоминаешь и сейчас. Но я хочу рассказать об одном эпизоде, разумного объяснения которому не нахожу и сегодня. Эпизод этот тем более интересен, что связан он с человеком, от которого тогда зависела судьба всей страны. Со Сталиным.

Шел октябрь 1943 года. Только что закончились ожесточенные летние сражения под Орлом, Курском и Харьковом. Красная армия наступала на Киев, но до конца войны было еще ох-как далеко.

Правительство тогда приняло решение о создании гимна Советского Союза. Состоялся конкурс, в котором участвовали все поэты и композиторы страны. В результате я и мой товарищ Эль-Регистан, фронтовые корреспонденты «Сталинского Сокола», победили. Такое уж нам выпало счастье. Наш текст понравился Шостаковичу, всех наших соперников отметили и поручили нам завершать работу над текстом гимна.

Мы с Эль-Регистаном отправились в столицу и разместились в гостинице «Москва». И вот, когда Сталину потребовалось внести какие-то поправки в текст, офицеры в синих погонах быстро извлекли из гостиничного ресторана майора

Знак препинания

В марте этого года Сергей Владимирович Михалков, автор легендарного «Дяди Степы» и гимна Советского Союза, отметил свое 82-летие. Когда Гитлер напал на СССР, ему было 28, и как многие литераторы он стал военкором. Об этом Михалков рассказал на вечере ветеранов войны, организованном Болгарским культурно-информационным центром в Москве. С любезного согласия Сергея Владимировича мы знакомим наших читателей с двумя любопытными эпизодами из его военной биографии.

Михалкова и капитана Эль-Регистана, военкоров в нечищенных сапогах, и провели в кремлевский кабинет на глазах двух изумленных маршалов, ожидавших, когда их пропустят на доклад к Верховному. Одного из них я запомнил точно — это был полный, черноволосый Васильевский, другого, к сожалению, забыл.

Был уже поздний вечер, и когда мы вошли в хорошо освещенный кабинет Сталина, в глаза сразу бросилась живая портретная галерея членов Политбюро — тут были и Берия, и Молотов, и Калинин, и Ворошилов. Сталин с ходу предложил нам внести определенные исправления в текст гимна. Разумеется, никаких возражений с нашей стороны не последовало. Тогда Сталин поинтересовался, сколько времени потребуется нам на это. Я, как старший по званию, ответил, что до завтра мы управимся.

— Нет, не годится, — мягко прохаживаясь по кабинету, проговорил Сталин под молчаливое одобрение живых портретов. — Необходимо внести изменения сейчас же.

На несколько часов нас проводили в смежную со сталинским кабинетом комнату, подали чай и бутерброды. Само собой, мы вовремя внесли необходимые исправления, но что-то, как видно, упустили...

Оставаясь военными корреспондентами, мы вскоре снова отправились на фронт. Отношение главного редактора «Сталинского Сокола» к нам сильно переменялось. Чувствуя, что у него в редакции работают будущие авторы гимна страны, бригадный комиссар то ли стал нас немного побаиваться, то ли старался как-то побережь. И вот в один из дождливых вечеров поздней осени 1943 года на передовом аэродроме Северо-Западного фронта нас догнал срочный вызов на фронтовой пункт связи к ВЧ. С огромным трудом, на перекладных и попутках, как могли быстро, мы добрались в расположение штаба фронта. Нас встретил лично командующий генерал армии Курочкин.

— Срочно звонил Ворошилову, — дерзко говорил генерал.

Нас тут же соединили с Москвой, и так же быстро нам ответил хрипловатый голос Ворошилова, который, кстати и был председателем правительственной комиссии по созданию гимна.

— Ищем вас, нужен совет.
— Слушаем Вас, товарищ Ворошилов.
— Товарищ Сталин спрашивает: вот тут у вас во втором куплете не совсем понятный знак препинания — стоит запятая, а потом тире. Товарищ Сталин спрашивает, можно ли изменить знак препинания?

И всего-то, вытерли мы холодный пот с наших лбов.

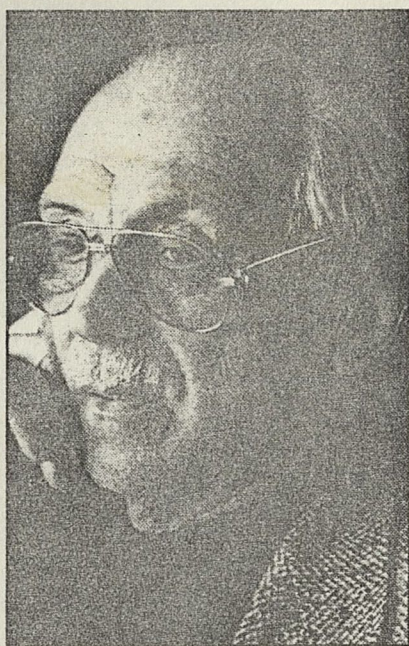
— Конечно, товарищ Ворошилов, можно исправить.

Да, в то время, когда за одну неверно поставленную запятую можно было за-

просто отправиться на Колыму или в штрафбат, товарищ Сталин спрашивал разрешения у скромных военкоров на исправление знака препинания. Это для меня до сих пор необъяснимо...

Другой эпизод, о котором я хочу рассказать, относится к тому времени, когда наши войска уже вступили в Германию. Несколько военных корреспондентов, и я в их числе, расположились в симпатичном домике на окраине небольшого городка где-то в Померании. Одну из уютных теплых квартир мы приспособили под своеобразную гостиную. И вот как-то вечером, когда погода изрядно испортилась, а в нашей гостиной собралась особенно теплая компания из четырех или пяти журналистов, мне выпала очередь идти на пункт связи сдавать материалы в номер.

Предстояло двинуться по незнакомым узким улочкам на другой конец городка, без провожатого, но, как гово-

рится, деваться некуда. Придется идти. К тому же по пути на пункт связи необходимо преодолеть один из многочисленных КПП (контрольно-пропускных пунктов). Естественно, перед тем как выходить спрашиваю у приятелей пропуск — пароль, другими словами. Отвечают: «Мина!» А для меня это весьма неприятный сюрприз. Буква «М» и всегда-то представляла порядочные трудности для моего произношения, а в том слегка подогретом состоянии, в котором наравне со всей компанией я находился, особенно.

Что ж. Делать нечего. Собравшись с силами, даже без элементарного фонарика в кармане, я отправился в путь. Одолев все перекрестки, уже приближался к пункту связи. Но все же окрик часового: «Пропуск!» оказался для меня полной неожиданностью. Тут-то меня и заклонило. Промычав пару раз «М-м, м-м-м», одолеть пропуск я так и не сумел. Часовой скомандовал: «Ложись!» Безо всякого желания опуститься на землю, я попытался уговорить его: «Свой это, я военный корреспондент».

— Ложись! — командует часовой и снова настаивает: — Пропуск!

Снова пытаюсь выговорить проклятую «мину», но опять «м-м-м». Куда деваться — лежу, молчу. Часовой наконец-то вызвал разводящего. Тот, в сопровождении караула, с фонарем в руках, вскоре явился. Наверное, брать диверсанта. Команда: «Не вставать!» Я и не собираюсь. После недолгих расспросов меня подняли, привели в какой-то штаб, проверили документы. Спрашивают:

— Вы знали пароль?

— Да, знал.

— Назовите.

— Мина, — отвечаю.

— А что же ты молчал, — после недолгих размышлений спрашивает караульный офицер.

— Я, — объясняю — заикаюсь, вот и не смог произнести от неожиданности.

Наконец меня отправили на пункт связи. Передав материалы в номер, я старательно подготовился к обратной дороге. Хорошенько настроившись, решил, что теперь-то уж КПП меня так запросто не задержит. Как только раздался возглас часового: «Пропуск!», я как мог четко и громко отпарторовал: «Мина!»

— Ложись! — прогремело в ответ!

От неожиданности язык у меня совсем отнялся, и теперь я уже и не пытался уговоривать часового. Пролежав еще с полчаса, дождался прибытия разводящего. Снова меня отвели в штаб, снова проверили документы, и снова спросили, знал ли я пропуск. Огромным усилием воли заставляю себя произнести: «Конечно, знаю — мина».

И вы можете себе представить, каким было у меня лицо, когда безусый лейтенант, слегка усмехаясь, снисходительно довел до моего сведения:

— А после полуночи пропуск сменили, товарищ майор!